

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. П. ВАСИЛЬЕВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

Происхождение любого народа, участие в его формировании различных этнических компонентов, роль древней основы и более поздних напластований — все это важные и интересные вопросы, в решении которых принимают участие ученые ряда смежных дисциплин — археологии, этнографии, истории, антропологии, языкознания, фольклористики и т. д. Среди других исторических наук в изучении этногенеза важная роль принадлежит этнографии, располагающей специфическими источниками, которые позволяют дать ответ на ряд вопросов этой проблемы.

Для многих народов, в том числе и туркмен, при изучении проблемы этногенеза наибольшее значение имеют следующие этнографические источники: сведения о родо-племенном составе, фольклорный материал, в частности легенды и предания о происхождении, среди которых особенно важны родословные — шеджере, данные материальной культуры и прикладного искусства и, наконец, обычаи и обряды, бытующие или бытовавшие у различных групп населения в прошлом. Некоторые из этих источников, особенно этнонимика племен и родов, частично уже использовались исследователями этногенеза туркмен (Н. А. Аристовым, В. В. Бартольдом, Г. И. Карповым, С. П. Толстовым и др.).

В настоящее время общая картина этногенеза туркмен в основных ее контурах представляется в следующем виде. Наиболее ранний пласт составили древние ираноязычные обитатели арало-каспийских степей, известные под именем дахов и массагетов, а позднее — сармато-аланские племена. На юге и востоке этих степей, в предгорной полосе и речных долинах, а также на севере, на территории Хорезма, указанные племена занимались земледелием, в остальной части степей — скотоводством. В середине I тысячелетия в прикаспийских степях появляются ранние тюркские племена, а с IX в. на территорию нынешней Туркмении начинают проникать огузы, сыгравшие главную роль в этногенезе туркмен. Основная масса огузов, пришедшая с северо-востока вместе с сельджуками в XI в., поселилась здесь и постепенно слилась с местным населением. Процесс формирования туркмен завершился, видимо, в XIV—XV вв., когда после монгольского завоевания сложились новые племенные объединения. В их состав вошли также более поздние тюркские племена неогузского происхождения, в частности кыпчаки.

В установлении общей схемы основных этапов этногенеза туркмен и, особенно, в конкретизации ряда ее положений весьма существенное значение имеют этнографические материалы, и в их числе данные этнонимики. Такие, например, названия родов и племен, как *абдал*, *языр* (*карадашлы*), *алам* и многие другие свидетельствуют о вхождении в состав туркменского народа древних доогузских племен и народов — эфталитов, языров-асов, аланов и другого местного ираноязычного населения. Однако больше всего этнонимических совпадений с родо-племенным делением туркмен исследователи находят в названиях огузских племен. Из 24 племенных названий огузов, известных нам по средневековым источникам (Махмуду Кашгарскому, Рашид-ад-дину и Абул-Гази), 8 сохранилось до наших дней в племенных наименованиях туркмен: *салыр*, *баят*, *языр*, *эймюр*, *игдыр*, *чоудор*, *каркын*, *яа* (*иве*), 10 — в качестве родовых наименований: *кайи* и *тутырка* (*додурга*), *карык*, *човдур* и *баяндур*, *баят* и *авшар* в племени гоклен, *игдыр* и *баяндур* у чоудоров, *игдыр* и *эймир* у иомутов, *авшар* в племенах мурча и каркын, *эймир* — у али-эли и эрсари, *човдор* — у арабачи и эрсари, *кайи* у баятов и, наконец, *карабюлюк* (*кара-ойли*) — родовое подразделение, входившее в состав тиведжи и даг-сакаров в XVII—XVIII вв.¹

Интересный материал для установления этногенетических связей туркмен с огузами дает сопоставление этнического состава полукочевых групп туркмен и юруков Турции, сохранивших многие родо-племенные названия огузов. Таковы, например, *чепни*, *кара-эвли*, *эймюр*, *чавундур*, *кайы*, *баяд* и др. Среди этих же турецких групп есть немало чисто туркменских этнонимов (*ушак*, *текели*, *гюнеч*, *караташлы* и т. д.), помогающих установить более или менее точно период образования аналогичных родо-племенных групп у туркмен.

Более поздние этнические компоненты, вошедшие в состав туркменского народа, встречаются также во многих этнонимах племен и родов соседних народов — казахов, узбеков, киргизов и др. (род *тана* у текинцев, иомутов, эрсари и казахов, *саят* у салыров, эрсари и узбеков, *барак* у иомутов и салыров, нуратинских туркмен, казахов, туркмен Турции, киргизов, *караман* у казахов и туркмен Турции, *джаныбек* и *едишуруг* у сарыков, казахов, киргизов и др.). Такие названия, как *кенегес* и *чагатай* у сакаров, *кыпчак* у али-эли, *карлык* у арабачи, *калмыкли* у эрсари, *тибет* у сарыков, *мугол* у чарджоуских салоров, *кара-мугол* у алам и др., указывают на участие в сложении туркмен других племен и народов, попадавших на территорию Туркмении в связи с политическими событиями средневековья.

Родовое название *тат*, *татлар* встречается у многих племен (иомуты, гоклены, эрсари, мукры и др.). Этот термин, генезис которого, по мнению таких крупных ученых, как С. П. Толстов, В. В. Бартольд, В. В. Минорский и Б. В. Миллер, восходит к определенной социальной категории древнего оседлого населения, прилагался обычно у узбеков, туркмен и азербайджанцев к потомкам старого оседлого населения некоторых районов.

У туркмен, кроме того, это имя в ряде случаев стало этнонимом и, вероятно, свидетельствует о включении в состав туркмен в более позднее, послеогузское время небольших групп оседлого аборигенного населения оазисов. Одни и те же родо-племенные деления, встречающие-

¹ Г. И. Карпов в своей очень интересной, но оставшейся неопубликованной работе «Этнический состав туркмен», находит еще ряд этнонимических совпадений родо-племенных названий огузов и туркмен, однако мы приводим здесь только наиболее достоверные.

ся у различных туркменских племенных групп, еще более подчеркивают их этническое единство.

Второй важный этнографический источник — шеджере (родословные) сохранились у многих туркменских племен. Некоторые из них передаются в устной традиции, но большинство было в свое время записано и рукописи передавались от отца к сыну, сохраняясь у наиболее уважаемых и известных лиц, обычно родовых старейшин. В числе таких генеалогий следует отметить «Шеджере-и-теракиме» («Родословную туркмен») ², записанную в XVII в. хивинским ханом Абул-Гази, один из вариантов родословий иомутов, опубликованный в изложении Н. Н. Иомудского ³, а также родословные некоторых других туркменских племен, хранящиеся в рукописном фонде Академии наук Туркменской ССР.

В большинстве шеджере наряду с генеалогией племени содержится более или менее подробное полулегендарное изложение исторических событий, хотя и сильно смещенных во времени, и предания о родине, исходном пункте формирования и путях передвижения отдельных племен и родов. Предания о родине обычно входят в состав шеджере, но довольно часто бытуют и самостоятельно.

Родоначальником всех туркмен по «Шеджере-и-теракиме» является Огуз-хан, предками отдельных туркменских племен выступают различные полулегендарные лица, в большинстве своем также упомянутые в этом памятнике. Так, гоклены считаются потомками Кайи-хана, внука Огуза, жившего на берегах Иссык-Куля, текинцы, по одной из известных родословных, — потомки Салор-Казана, по другим — потомки Теке-Мухаммеда; родоначальником иомутов называют Иомуда, сына Келами или Кулмы и т. д.

Все наиболее крупные туркменские племена по шеджере связаны между собой узами родства. В широко распространенном предании большинство современных туркменских племен являются потомками двух лиц: Союн-хана (Сеил-хана) и Эсен-хана (Хасан-хана).

Интересно предание о происхождении сарыков, согласно которому текинцы — ближайшие родственники этого племени по мужской линии, так как сарыки ведут свое начало от Ялкамышы — младшего сына Теке-Мухаммеда (или по другой версии — Эрали-теке) и дочери ногайского хана. Близость сарыков к текинцам подчеркивается фактами женитьбы на вдове Ялкамышы его старшего брата Тохтамышы и усыновления им одного из сыновей Ялкамышы — Амаша, потомки которого вошли в качестве отдельного рода в состав теке. Иомуты считали своим дедом по женской линии некоего Эрсари-бая, жившего на Балканах.

В большинстве случаев родословные, хотя и в своеобразной форме, отражают какой-то реальный этап в формировании того или иного племени, а также родственные связи между отдельными племенами и народами. Используемые в совокупности с другими этнографическими источниками и историческими материалами, родословные могут служить важным свидетельством отдельных этапов этногенеза. К сожалению, шеджере туркменских племен или родов до сих пор еще мало изучены.

² Первый ее перевод на русский язык был дан востоковедом А. Туманским, см. «Абуль-гази Бахадурхан. Родословная туркмен», Асхабад, 1897; новый, более точный перевод по критическому тексту сделан А. Н. Кононовым — «Родословная туркмен, сочинение Абу-л-гази хана Хивинского», М.—Л., 1958.

³ Н. Н. Иомудский (Караш-хан оглы), Из народного предания туркмен. О родословной туркмен-иомудов, Сб. «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.

Несколько лучше известны предания и легенды о местах формирования отдельных родовых групп, однако это главным образом полевые, неопубликованные еще материалы. В известных нам преданиях о «прародине» туркменских племен чаще всего фигурируют полуостров Мангышлак (у теке, чоудоров, части иомутов и др.), Нуратинские горы (Нур-Кара-баир) и Бухара (у чоудоров, игдыров и др.), а в более поздних — Уаз (Вас) в Хорезме (у племени алам). Интересна легенда, встречающаяся во многих вариантах у разных туркменских племен (чоудоров, салоров и др.) и у каракалпаков, об изгнании из Туркестана (низовья Сыр-Дарьи) на Мангышлак части туркмен-огузов во главе с братьями Акманом и Караманом (по одной из версий — Акбаем и Карабаем), которые были якобы превращены в собак⁴. Это предание, несомненно, отражает реальные события XI—XII вв. — передвижение части огузских племен, впоследствии, видимо, составивших основную компонент туркменских племенных образований — чоудоров, арабачей, части салоров и др.

На реальных этнических связях средневековья, вероятно, основано упоминавшееся выше предание о делении всех туркмен на потомков Союн-хана (Соин-хана) и Эсен-хана.

Последний считается иногда также предком некоторых соседних народов — каракалпаков, казахов и узбеков. По наиболее распространенному варианту в XVI в. в состав эсенхановских туркмен входили арабачи, абдалы, чоудоры, игдыры, гоклены и ряд других племен. По второй версии гоклены входили в состав соинхановских туркмен, вероятно, потому, что жили на территории, занятой этими последними. Исходя из совокупности некоторых этнографических данных, мы склонны считать первую версию более правильной.

Соинхановскими туркменами, по иранским историческим источникам начала XVI в., считались только туркмены, живущие между Атреком и Гюргеном, но туркменские исторические предания включали в состав туркмен Союн-хана большую группу близко родственных племен, занимавших обширную территорию от Атрека до Мангышлака, в которую входили салоры, эймиры, сарыки, теке, иомуты и эрсари⁵. Этническая близость племен каждой из этих групп подтверждается близостью элементов их материальной и духовной культуры.

Как видно, анализ генеалогий (родословных) и исторических преданий может дать много интересного материала при изучении этногенеза.

Однако следует отметить, что при всей своей значимости памятники этого рода требуют особо критического подхода и могут быть использованы лишь с очень большой осторожностью. Дело в том, что шеджере, а также предания о родине и передвижениях племен обычно составлялись под влиянием родо-племенной феодализирующейся знати, стремившейся доказать свое прямое происхождение от огузов. Поэтому почти на каждом шеджере лежит отпечаток некоторой тенденциозности. Сохранявшееся в дореволюционный период деление туркмен на «чисто-

⁴ Полевые записи автора, август 1955 г., июнь 1959 г., в Калининском районе ТуркмССР; А. Джикиев, Материалы по этнографии мангышлакских туркмен, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. VII, серия этнографическая, Ашхабад, 1963, стр. 198, 199; у каракалпаков она записана Т. А. Жданко, см. Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 480. На Мангышлаке вариант этой легенды зафиксирован в 1910 г., см. Р. Карутц, Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке, СПб., б/г., стр. 14.

⁵ По шеджере, опубликованному Н. Н. Иомудским, Эсен-хан идентичен Огуз-хану, предку всех туркмен, а Союн-хан — Алп-Арслану Сельджуку, а также хану Батью.

кровных» — *иг* и рабов — *кул* подкреплялось именно родословными. Племена также делились на более древние, уважаемые, якобы ведущие свое начало от потомков Огуза, и на примкнувшие к огузам в более позднее время или же происходящие от «не-огузов» (татов, калмыков, иранцев и т. д.). Конечно, шеджере в известной мере отражают подлинные этнические связи народа, но следует учитывать, что эти предания безусловно подверглись сильной обработке идеологов патриархально-феодальной знати. Марксистская историческая наука не знает «чистых» народов или племен. Этногенез — сложный, многовековой процесс. Всякий народ формируется из различных этнических компонентов, включающих как местное древнее население, так и более поздних пришельцев, иногда даже из далеких районов. Поэтому самые «чисто туркменские» племена, связывающие свое происхождение с потомками Огуз-хана или выводящие своих предков с берегов Иссык-Куля, как например, гоклены, несомненно, после прихода на территорию Туркмении включили в свой состав и более древнее местное население и более поздние, послеогузские элементы.

Интересные сведения для изучения этногенеза туркмен дают эпос и обрядовый фольклор. Они позволяют установить этнические связи с иранскими и другими тюркскими племенами и народами как древних, так и более поздних периодов. Эти источники при изучении этногенеза туркмен до сих пор используются совершенно недостаточно, значительно меньше, чем шеджере. Между тем, такие монументальные эпические сказания, как «Гёр-оглы», «Китаби-Коркуд» и др., содержат много важных сведений для уточнения этнической истории туркменского народа. В дестане «Китаби-Коркуд» отражены события, происходившие среди огузов в Средней Азии, картины быта и нравов персонажей эпоса, которые имеют свои аналогии в этнографии туркмен. Особенно важна «Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана», имеющая исторически достоверную среднеазиатскую основу. Это предание, вероятно, сохранялось среди туркмен до XVII в., когда было записано ханом Абул-Гази и вошло в «Шеджере-и-теракиме».

Сравнительно недавно у туркмен-чоудоров, проживающих на территории Туркменской ССР, была записана среднеазиатская версия эпоса о Коркуд-ата, которая, несомненно, станет ценным источником при изучении этногенеза туркмен.

Данные туркменской материальной культуры и прикладного искусства дают возможность выявить особенности культуры отдельных племен, свидетельствующие о своеобразии формирования различных этнических компонентов, вошедших в состав этих племен, а также установить этнические связи туркмен с другими народами, населяющими или населявшими в прошлом Среднюю Азию.

Значительный интерес в этом плане представляют ювелирные изделия туркмен. У большинства туркменских групп они совершенно своеобразны и по форме, орнаменту и характеру отделки почти не имеют аналогий с украшениями других среднеазиатских народов. Это наводит на мысль о том, что объяснение самобытности форм туркменских украшений надо искать в связях с древними и средневековыми народами.

Археологический материал смежных территорий дает нам некоторые любопытные доказательства этнической преемственности туркмен от древних ираноязычных обитателей западной части Средней Азии. Так, при раскопках в Старой и Новой Нисе (Южная Туркмения) была найдена масса небольших фигурных бляшек (II в. до н. э. — III в. н. э.) из золота, серебра и бронзы, видимо, нашивавшихся на грудь женских

и мужских костюмов парфян. Эта манера украшать костюм дожила у туркмен до наших дней: праздничный костюм молодых женщин-туркменок (платья и халаты) украшен спереди множеством серебряных круглых и узорных бляшек.

Еще более поразительное и, с нашей точки зрения, неслучайное сходство обнаруживается в нагрудных и наплечных серебряных украшениях туркменок (*гульяка* и *бозбент*) с золотыми и бронзовыми украшениями из могильников Верхняя Рутха, Чми и Камунта (Осетия)⁶. Судя по имеющимся с нижней стороны петелькам, они навешивались на одежду; возможно, по мере изучения туркменский материал позволит еще более точно определить их назначение. Могильники эти датируются VI—VIII вв. н. э. и принадлежат аланам, пришедшим еще в древности на юг Восточной Европы с территории Средней Азии и участвовавшим в этногенезе осетин. Советскими учеными неоднократно высказывалась мысль о непосредственном участии алан и в этногенезе туркмен⁷. Аналогии, прослеженные в материальной культуре, и ряд других общих элементов (наземные захоронения, значительные пережитки матриархата, отраженные в эпосе, и т. д.) подкрепляют мнение об этнической связи кавказских алан с некоторыми среднеазиатскими народами, в том числе и с туркменами.

Значительное сходство с указанными выше туркменскими украшениями по форме и особенно по орнаменту имеют фибулы *төөнөч* южных киргизов⁸. (Ниже мы еще вернемся к связям между этими двумя народами.)

В свое время С. П. Толстов обратил внимание исследователей на сходство отдельных элементов одежды туркмен и некоторых народов Поволжья — удмуртов, чувашей и др., основанное на этнических связях этих народов в древности и средневековье с народами, обитавшими на территории формирования туркмен⁹. Так, определенное сходство обнаруживается в форме и украшениях девичьей тюбетейки башкир с туркменской девичьей шапочкой, украшенной серебряными монетами и серебряным колпачком с наверху¹⁰.

Этнические связи туркмен с башкирами прослеживаются и в вышивке. Несмотря на значительную роль этого вида прикладного искусства в быту туркмен, техника вышивки не отличается большим разнообразием: туркмены знают три основных вида вышивального шва. Первый шов — *ак-кайма*, весьма своеобразный, не имеет пока этнографических параллелей. Он бытует у южных туркмен — текинцев, сарыков, частично у гокленов и др. Весьма вероятно, что своим происхождением он связан с древним местным населением. Второй шов — *коджиме*, распространенный на большей части территории Туркмении, также весьма своеобразный, не встречается у других народов Средней Азии, за исключением южных киргизов, но довольно широко известен у башкир¹¹. Факт бытования этого шва, а также других элементов материальной культуры, указанных выше, у народов, живущих столь отдаленно друг

⁶ «Материалы по археологии Кавказа», т. VIII, М., 1900, табл. LXI (4), CI (3, 7), CXXV (15—16, 18).

⁷ С. П. Толстов, Основные вопросы древней истории Средней Азии, «Вестник древней истории», 1938, № 1 (2), стр. 196—197; А. Бахтияров, Осколки «исчезнувших» аланов, «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 39—40; А. А. Росляков, Происхождение туркменского народа, Ашхабад, 1962, стр. 11 и др.

⁸ К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, стр. 263, рис. 156.

⁹ S. Tolstov, Les principales étapes du développement de la civilisation terioukhane, «Eurasia Septentrionalis Antiqua», VI, 1930.

¹⁰ С. И. Руденко, Башкиры, М.—Л., 1955, стр. 191, рис. 161а

¹¹ К. И. Антипина, Указ. раб., стр. 110; С. И. Руденко, Указ. раб., стр. 292, рис. 258.

от друга, и поэтому исключая возможность культурного заимствования, позволяет предполагать в составе туркмен, башкир и южных киргизов какой-то общий этнический компонент. Аналогии в археологическом материале, возможно, еще недостаточно полные, уводят нас к гуннскому пласту на Алтай и в Монголию¹². Вопрос о том, кто из древних или средневековых племен, вошедших в состав указанных народов, принес им, в частности, эту технику вышивки, пока неясен и требует дальнейшего изучения. И, наконец, третий шов, тамбурный — *ильме*, имеющийся у многих народов Средней Азии и прилегающих территорий, в настоящее время встречается главным образом у западных иомутов, а еще в недавнем прошлом был распространен среди чоудоров, игдыров, арабачей, вероятно, гокленов, части иомутов и живущих на Мангышлаке ходжа и шихов, т. е. в основном среди тех племен, которые входили в состав эсенхановских туркмен и таким образом более других были связаны с огузским пластом.

В этом плане интересно также сходство в форме и орнаменте старинных девичьих конусообразных шапочек гокленов, чоудоров и арабачей, видимо, тоже подтверждающее близость их происхождения. Старинный высокий женский головной убор *касава*, распространенный в прошлом у иомутов, судя по описанию Гладышева, имел, вероятно, общее происхождение с головным женским убором казахских племен, живших в XVIII в. на Мангышлаке, а также каракалпачек (Гладышев называет этот убор *касавые*). В более позднее время бытование головного убора с названием *касава* отмечено К. Л. Задыхиной у северных узбеков Хорезма; у узбеков-локайцев *касаба* называлось только серебряное наlobное украшение с подвесками¹³. Объем статьи не позволяет нам останавливаться на анализе других элементов материальной культуры и прикладного искусства, хотя аналогии можно было бы продолжить. Скажем лишь, что ковроткачество — одно из самых совершенных видов туркменского прикладного искусства — в свое время было широко использовано для выяснения вопросов этногенеза этнографом-искусствоведом В. Г. Мошковой. Интересный этногенетический материал дает рассмотрение типов юрт, бытовавших среди различных туркменских племен; что касается оседлого жилища, то изучение его позволяет отметить в нем ряд черт, имеющих очень древние традиции.

Важным этнографическим источником для исследования вопросов этногенеза следует считать обычаи и обряды, передающиеся из поколения в поколение и позволяющие, пожалуй, лучше всех остальных источников заглянуть в более далекий период истории. Группа обрядов, аналогичных древним земледельческим обрядам, бытовавшим до недавнего времени у таджиков и части узбеков, свидетельствует о наличии в составе туркмен древнего ираноязычного пласта, аборигенов долин и оазисов. К этой группе относятся празднование Нового года (*Ноуруз-байрам*), праздник *харман-той* в честь Деда-земледельца (*Баба-дай-хана*), ритуальный обряд возрождения растительности — *семелек* (*семене*) и др., сохранившиеся до наших дней у туркмен прикопетдагских районов, Марыйского и Хорезмского оазисов и долины Аму-Дарьи. В ту же группу, вероятно, входит и спортивное состязание в стрельбе из лука — *алтын-кабак*, известное под этим названием узбекам, казахам,

¹² С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953; С. Тегевег, Excavations in Northern Mongolia, L., 1932, табл. 12, 13, 16, 18.

¹³ «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—41 гг. Гладышевым и Муравиным». Издано Я. В. Ханьковым, СПб., 1851, стр. 69, 70; К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 378; материалы Б. Х. Кармышевой из фондов Музея им. М. С. Андреева в г. Душанбе, № 13—149.

и некоторым группам туркмен Хорезма. А. Н. Самойлович присутствовал на подобном же состязании у текинцев в Марыйском оазисе. Судя по описанию Абул-Гази в «Родословной туркмен», оно бытовало также у огузских племен. Вместе с тем оно было известно и более древним ираноязычным народам Средней Азии. Доказательством этого служит наличие до недавнего времени подобного же состязания у горных таджиков и осетин. У последних оно даже сохраняет название, близкое к среднеазиатскому — *кабах*. О том, что у осетин это, несомненно, аланская традиция, связанная своими корнями со Средней Азией, свидетельствует красочное описание состязаний в стрельбе из лука в осетинском нартском эпосе¹⁴.

Вторая группа обрядов, наблюдаемых также у некоторых соседних тюркоязычных народов, — иного происхождения: она связана своими корнями с кочевыми или полукочевыми обитателями степей и пустынь. Отметим один из таких обрядов: свадебное состязание *кёк-бёри*, впервые описанное А. Вамбери в середине XIX в. у туркмен. У сарыков оно сохранилось под этим названием до наших дней, но в несколько иной форме, чем наблюдал Вамбери; у салыров и некоторых туркменских групп Средней Аму-Дарьи — арабачей, чандыров, хыдыр-эли это состязание, организуемое и на других больших праздниках, называется *овлак чанды* или *овлак чандырмак* (букв. скакать с ягненком). Сохраняется это состязание также у части узбеков и казахов (у последних оно называется *кыз-бёри*)¹⁵.

Вся совокупность приведенного здесь материала, несомненно, свидетельствует, что в этногенезе туркмен значительную роль сыграло местное ирано- и тюркоязычное доогузское население. Родство отдельных групп современных туркмен с аборигенным населением оазисов и побережья Каспийского моря уже прослежено в ряде работ, опубликованных этнографами¹⁶.

Имеющийся этнографический материал дает новые доказательства этой этнической связи. Об этом свидетельствуют, как показано, родовые названия (*алан*, *абдал* и др.), многие элементы материальной культуры (одежда и украшения, жилище, техника земледелия и ирригации и т. д.), а также ряд обрядов и праздников, известных у древних земледельцев Средней Азии (Ноуруз, Праздник урожая и т. д.) и бытовавших у отдельных групп туркмен до недавнего времени.

Этногенетическая связь туркмен с племенами огузского цикла, прослеженная в родо-племенных названиях, сказаниях и легендах, становится более реальной, если обратить внимание на то, что в материальной культуре туркменских племен, лучше других сохранивших среди своих этнонимов огузские (гоклёны, чоудоры), обнаруживаются общие черты, присущие только этим племенам. Племенные деления туркмен Турции, а также элементы их материальной и духовной культуры дополняют доказательства этой связи.

¹⁴ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, I, Сталинабад, 1953, стр. 139—140; «Осетинские нартские сказания», Дзауджикау, 1948; полевые записи Б. А. Калоева, Архив Ин-та этнографии АН СССР.

¹⁵ А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, М., 1874, стр. 280—281; А. Н. Самойлович наблюдал его в 1906 г. у самаркандских узбеков, см. А. Н. Самойлович, Туркменские развлечения, «Ежегодник русского антропологического о-ва при Санкт-Петербургском ун-те», т. III, СПб., 1909, стр. 71.

¹⁶ Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXI, М., 1954; Д. М. Овезов, Племя мурчали, Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. IX, Ашхабад, 1959; А. Джикиев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961.

Кроме племен огузского цикла, на более поздних этапах в этногенезе туркмен участвовали также и другие тюркоязычные племена, в частности, входившие в состав кыпчакского племенного союза. Участие кыпчаков в формировании туркменской народности подтверждается рядом элементов материальной и духовной культуры, общих для туркмен и народов, в происхождении которых кыпчаки сыграли большую роль, — казахов, башкир, узбеков-локайцев и др.

Важным доказательством следов пребывания кыпчаков в центре этнической территории туркмен (в частности, туркмен соинхановского юрта, у которых мы прослеживаем кыпчакские элементы культуры) служит топонимика. Так, во времена Надир-шаха и даже в начале XIX в. степь к югу от Мангышлака до р. Чандыр называлась также Дешти-Кыпчак, а иомуты считались ее основными обитателями¹⁷.

В более поздний период в состав туркмен вошли новые этнические компоненты, которые отражены в таких родовых наименованиях, как *калмык*, *могол*, *тибет*, *тат*, однако они не меняли общей картины основного процесса этногенеза и не оказали большого влияния на окончательное формирование туркменского народа.

SUMMARY

The diverse materials on which the author of the article has drawn, warrant the conclusion that the indigenous Iranian- and Turkic-speaking (pre-Oghuz) population played an important part in the ethnic formation of the Turkmenians. This is borne out by tribal names (*Alani, Abdali and others*), by many elements of material culture (clothing, ornamentation, dwellings, agricultural and irrigation techniques, etc.) and also by certain rites and festivities which the ancient agriculturists observed and which were retained until recently by certain groups of the Turkmenian population.

The main part in the ethnic formation of the Turkmenians was played by tribes of the Oghuz cycle. This can be seen from tribal names, legends and traditions, and from relics of material culture. The materials cited by the author show that the tribes which have retained their Oghuz ethnic names better than others (e. g., the Goklens and Choudors) also have certain common features in their material culture, peculiar to them alone. At later historical stages, other Turkic-speaking tribes contributed to the ethnic formation of the Turkmenians — specifically tribes of the Kipchak federation. This is substantiated by certain data cited in the article; of definite interest among these are toponymic data.

¹⁷ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938, стр. 117, 130—132, 135, 161.